

Ретклиф Джон

**На жидовском кладбище в
Чешской Праге**

Жи́ды-властелины мира

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Д42

Д42 **Джон Р.**
На жидовском кладбище в Чешской Праге: Жида-властелины мира / Ретклиф
Джон – М.: Книга по Требованию, 2022. – 84 с.

ISBN 978-5-519-80627-5

Эпизод из романа "До Седана"

ISBN 978-5-519-80627-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

запертыя ворота и показываетъ ему ниву смерти во всей ея суровой обстановкѣ. Узкій проходъ, весь заросшій дрекомъ и кустами терновника, вьется и теряется между тѣсно скученными рядами обомшившихся гробницъ и памятниковъ.

Словоохотливый чичероне съ удовольствіемъ рассказываетъ посѣтителю исторію смерти раввина Бен-Манаси, великаго покорителя смерти, и біографію раввина Лева, самаго ученаго изъ раввиновъ XVII столѣтія; повѣдуетъ и о Симеонѣ праведномъ, и о польской княгинѣ Аннѣ Шмилесъ. Затѣмъ онъ проведетъ его къ памятнику Анны Конъ, памятникъ которой, съ начертанной на немъ цифрой 606, ясно, какъ Божій день, доказываетъ, что евреи слишкомъ за 1,200 лѣтъ тому назадъ хоронили здѣсь своихъ покойниковъ, въ незапамятныя времена Любуши и ея дочерей, когда крестъ еще не преслѣдовалъ евреевъ, разбѣянныхъ по лицу земли праведнымъ гнѣвомъ Іеговы. Хотя подлинность таинственной цифры на памятникѣ Конъ и подвержена сильному сомнѣнію, все же пражское кладбище можетъ быть признано первою еврейскою общиною въ западной Европѣ.

Мимо одного мѣста на кладбищѣ, гдѣ подъ старымъ сиреневымъ кустомъ, между развалившимися камнями, возвышается груда булыжника, еврейскій проводникъ проходитъ въ глубокомъ молчаніи и на вопросъ любознательнаго посѣпителя: что это?—отвѣчаетъ уклончиво и неохотно.

Кладбище называется Бетъ-Хаимъ, что значитъ *домъ жизни*. Да, это мѣсто покоя справедливо можетъ быть названо домомъ жизни. Отсюда дается таинственный импульсъ, дѣлающій презрѣнныхъ тиранами націй, без-

домныхъ изгнанниковъ — повелителями вселенной; импульсъ, выходящій изъ пламеннаго терноваго куста къ избранному племени руководящій всеильнымъ Вааломъ.

II.

Строго-суровый, сумрачный видъ жидовскаго квартала выглядѣлъ по праздничному весело и нарядно. Исчезли лотки съ товарами. По улицамъ въ праздничныхъ костюмахъ разгуливали мальчишки съ характерными, умными лицами и лукавыми, искрящимися глазами, и полногрудыя дѣвушки съ развитыми бедрами, такъ много облегчающими размноженіе народа іудейскаго. Дома и окна зеленѣли свѣжими вѣтвями терновника и дрока. Толпы мужчинъ и женщинъ съ молитвенниками въ рукахъ тянулись по направленію къ синагогѣ. Во всѣхъ направленіяхъ шныряли бѣдныя христіанскія женщины съ ключами и посудой. Неисходная бѣдность заставила служить ихъ презрѣннымъ жидамъ, и теперь онѣ хлопотали въ приготовленіи праздничнаго пиршества для своихъ заклятыхъ враговъ.

Въ то время когда христіанская Прага еще ярко освѣщалась послѣдними лучами заходящаго солнца, на узкія улицы жидовскаго квартала уже почти спустились густыя вечернія сумерки.

Былъ послѣдній день праздника гущей, день соединенія и торжества.

Два человѣка, одинъ среднихъ лѣтъ, въ новомодномъ костюмѣ съ массивной золотой цѣпью по жилету и брилліантовыми запонками на ослѣпительной рубашкѣ, другой, постарше, съ длинными пейсами, въ широкомъ

плащѣ, въ видѣ мантии, по всеѣмъ признакамъ польскій жида, торопливо пробирались по улицамъ квартала, сосредоточенные, озабоченные какой-то мыслью, не обращающія ни малѣйшаго вниманія на встрѣчавшіяся густыя толпы соотечественниковъ.

Первый служилъ проводникомъ послѣднему.

Дойдя до сторожки привратника кладбища, франтъ постучался въ ставню домика, сквозь щели которой лился яркій свѣтъ отъ восковыхъ свѣчей, доказывавшій праздничное настроеніе сторожа.

На долю сторожа выпало удачное лѣто: въ теченіе его онъ собралъ солидную дань съ путешественниковъ, во множествѣ посѣтившихъ кладбище.

Въ дверяхъ сторожки вырѣзалось сухое лицо привратника; его подслѣповатые, красные глаза пылливо взглянули въ темноту.

— Леви Ааронъ, это ты? Гдѣ такъ долго пропадалъ? Кошерное вино и печенье давно на столѣ, да и все сосѣди уже собрались....

— Это не Ааронъ, Иоель, отвѣчалъ стучавшійся: выйди-ка на улицу, съ тобой хотятъ переговорить кое о чемъ.

— Праведный Боже! — воскликнулъ съ изумленіемъ сторожъ, глаза котораго привыкли къ темнотѣ, — да вѣдь это одинъ изъ старѣйшинъ! Что будетъ угодно приказывать вамъ, многоуважаемый господинъ?....

— Мнѣ — ничего; но вотъ этотъ раввинъ желаетъ совершить на кладбищѣ короткую молитву; завтра утромъ онъ уѣзжаетъ изъ Праги, съ первымъ поѣздомъ.

Привратникъ былъ пораженъ.

— На кладбищѣ? Сегодня вечеромъ? Но, достопочтенный господинъ банкиръ, вамъ извѣстно, что мнѣ запрещено отворять кладбищенскія ворота послѣ солнечнаго заката, къ тому-же сегодня священный шабашъ.

— Во-первыхъ, не кричи здѣсь о моемъ званіи, не-терпѣливо перебилъ банкиръ. Я не хочу, чтобы каждый тряпичникъ зналъ, что у тебя былъ банкиръ Розенбергъ. А во-вторыхъ, я самъ старшина и даю тебѣ разрѣшеніе отворить кладбище. Я обожду здѣсь, пока раввинъ не окончитъ молитвы.

— Не осчастливите-ли вы войти подъ мою убогую кровлю?

— Нѣтъ! Неси ключи, да скорѣе!

— Сейчасъ, они висятъ здѣсь за дверью.

— И прекрасно. Помни, что никто изъ находящагося у тебя общества не долженъ знать о нашемъ присутствіи, устрой такъ, чтобы намъ избѣжать любопытныхъ.

Привратникъ юркнулъ въ свою сторожку и тотчасъ-же возвратился съ ключами. Отворяя ворота кладбища, онъ хотѣлъ было зажечь захваченный съ собою фонарь.

— Оставь! не нужно огня, остановилъ его раввинъ тихимъ, но повелительнымъ голосомъ. Запри ворота изнутри!

— Но, господинъ раввинъ.....

— Запри, говорятъ тебѣ!

Сторожъ повиновался, хотя и не безъ нѣкотораго недовѣрія.

— Ну, проводи меня теперь къ могилѣ святаго раввина Симона-бен-Іехуда.

— Держитесь за мое платье, уважаемый господинъ, сказалъ привратникъ: держитесь крѣпче, теперь темно и легко споткнуться о старыя могилы.

— Я вижу ночью не хуже, чѣмъ днемъ, сынъ мой! отвѣчалъ старый еврей.

— Вотъ могила!

Преклонивъ колѣна, ученый раввинъ благоговѣнно приложился къ надгробной плитѣ. Потомъ онъ надѣлъ телефеликъ и, наклонивъ голову, произнесъ длинную молитву.

Сторожъ, нѣкогда самъ бывший учителемъ богемской школы, понялъ только нѣсколько словъ изъ молитвы раввина, такъ какъ онъ читалъ ее на непонятномъ ему нарѣчїи, примѣшивая много древне-еврейскихъ и еще какихъ-то другихъ словъ.

— Сколько времени ты служишь при кладбищѣ? спросилъ раввинъ, окончивъ молитву, у привратника, начинавшаго выказывать признаки нетерпѣнія.

— Десять лѣтъ.

— Десять?... А твой предшественникъ?

— Тридцать пять.

— Тридцать пять? Онъ этого не знаетъ! прошепталъ старикъ. Ну, слушай!

— Что угодно?

— Не передалъ-ли тебѣ какого нибудь приказанія твой предшественникъ, сдавая должность?

— Мнѣ? переспросилъ привратникъ.

— Да, тебѣ, потому что такъ было съ того дня, какъ на этомъ мѣстѣ былъ погребенъ первый усопшій.

— А еслибъ это было и дѣйствительно такъ, вамъ-

то какое до этого дѣло. Съ поступленія моего на службу, меня еще въ первый разъ спрашиваютъ объ *этомъ*.

— Потому, сынъ мой, что *это* случается только разъ въ столѣтіе, а человѣческая жизнь рѣдко бываетъ такъ продолжительна.

— Теперь я вижу, что вы знаете объ *этомъ*, равви, боязливо пролепеталъ привратникъ:—но я только тогда могу послушать васъ, если вы скажете слово, переданное мнѣ какъ лозунгъ моимъ предшественникомъ. Я поклялся надъ пятикнижіемъ.

Раввинъ наклонился къ самому уху привратника и съ разстановкою произнесъ таинственное семисложное слово.

— Всѣ будетъ исполнено по вашему приказанію, господинъ равви, сказалъ привратникъ, почтительно кланяясь польскому еврею.

— Слушай-же! Прежде чѣмъ часы христіанъ, повѣшенныя на площади изъ ненависти къ намъ, пробьютъ одинадцать, ты удалишь друзей, празднующихъ въ твоемъ домѣ.

— Слушаю, равви, будетъ исполнено.

— Послѣ перваго удара ты отворишь ворота сада, а при послѣднемъ скроешься въ своемъ домѣ; запри двери и окна, лягъ въ постель и со всѣми твоими дѣтьми и домочадцами превратись въ трупъ, въ трупъ ничего невидящій и неслышащій.

— Не буду ни глядѣть, ни слушать!

— Теперь ступай и размысли о томъ, что ты по своей обязанности служитель великой іерусалимской синагоги. Помни, если ты преступишь хоть одно мое приказаніе,

ангелъ смерти оставитьъ душу твою въ тѣлѣ и заставитьъ тебя до скончанія вѣковъ скитаться между могилами. Ты, разумѣется, знаешь, что наше дѣло должно остаться тайной для того мірскаго человѣка, который привелъ меня сюда.... Иди!

Они оба пошли къ выходу, гдѣ дожидался банкиръ.

— Ваше желаніе исполнено, почтенный равви, сказалъ банкиръ, и вы можете сообщить въ Варшавѣ моему товарищу, что Розенбергъ и сынъ всегда готовы служить гостю, рекомендованному имъ. А теперь милости прошу ко мнѣ; моя жена, навѣрно, заждалась насъ.

— Пойдемъ, сынъ мой, отвѣчалъ раввинъ; только уволь меня отъ мірскихъ удовольствій. Сегодняшнюю ночь я намѣренъ провести въ молитвѣ!

— Розенбергъ пожалъ плечами.

— Иоель, прошепталъ онъ, протягивая привратнику золотую монету, не забудь, что остальнымъ старшинамъ общины не должно быть извѣстно нарушеніе предписанія.

Иоель молча кивнулъ головой, и банкиръ съ раввиномъ исчезли во мракѣ опустѣвшихъ улицъ квартала.

Тихо и безлюдно было на улицахъ. Не то происходило внутри еврейскихъ домовъ. Заднія комнаты этихъ непривѣтливыхъ, бѣдныхъ и грязныхъ снаружи лачугъ горѣли огнями безчисленныхъ восковыхъ свѣчей, отражавшихся на драгоценной серебрянной посудѣ, въ великолѣпныхъ огромныхъ зеркалахъ и дорогихъ коврахъ, покрывавшихъ полы и стѣны. За столами, уставленными праздничными яствами, сидѣли женщины и дѣвушки, еще по-утру, быть можетъ, бѣгавшія съ разною га-

лантерейною дрянью, въ затрапезныхъ лохмотьяхъ, а теперь разодртыя въ шелкъ и бархатъ, залитыя въ золото и брилліанты, ослѣпительнымъ огнемъ сіявшіе на ихъ роскошныхъ грудяхъ и въ тяжелыхъ косахъ великолѣпныхъ черныхъ волосъ.

III.

Кому не знакомъ, или, по крайней мѣрѣ, кто не слышалъ о великолѣпномъ пражскомъ мостѣ, соединяющемъ Новую Прагу съ Старымъ-градомъ? Мостъ этотъ, длиною въ 150 футовъ, смѣло переброшенъ черезъ бунную Молдаву и укрѣпленъ на 16 устояхъ. Заложенный 9-го іюля 1358 года императоромъ Карломъ IV, которому такъ много обязана своимъ блескомъ старая столица Богеміи, онъ оконченъ только полтора столѣтія спустя, при королѣ Вратиславѣ II.

Какія событія, какую славу и сколько крови видѣлъ этотъ славный мостъ, стоящій невредимо слишкомъ пятьсотъ лѣтъ, наперекоръ времени, бурямъ, волнамъ и ядрамъ.

Съ этого моста нечестивый жестокій Венцель сбросилъ въ Молдаву святаго Непомука, отказавшаго выдать ему грѣхи богемской королевы. Черезъ него пришелъ въ Граджину великій Гусъ съ своими учениками, ввѣрясь вѣроломному Сигизмунду, пославшему его на костеръ въ Констанцѣ и тѣмъ сдержавшему свое императорское слово. Здѣсь дикій Жишка сломалъ ногу; по немъ шелъ за короной Георгій Подибратъ, а Лудвигъ Ягеллонъ за славною смертью, въ битвѣ съ невѣрными. Съ него гордо смотрѣлъ на свою прекрасную Прагу послѣдній рыцарь, Максимилианъ II, а слабый Рудольфъ,

царь женщинъ, императоръ-фигляръ и астрологъ, проклилъ неблагодарный городъ, отдавшій похищенную корону его брату Матиасу Корвинусу. 23 мая 1618 года старыя плиты моста были свидѣтелями, какъ богемскія сословія выбросили изъ оконъ императорскихъ чиновниковъ Мартина и Словату и тѣмъ положили начало кровавой 30-ти лѣтней религіозной войнѣ съ Австріей. Какъ часто по этому мосту проѣзжалъ на своемъ боевомъ конѣ гордый владѣлецъ; сколько безвредныхъ шведскихъ пуль расплушилось объ его гранитный парапетъ и устои, пуль направляемыхъ на Староградскую башню, защищаемую студентами и бюргерами и потомъ въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ унизанную головами ея храбрыхъ защитниковъ, заплотившихъ эшафотомъ за свое мужество и вѣрность королю и пораженныхъ 8-го ноября 1620 года въ кровавой сѣчѣ на Бѣлой горѣ. — Старый мостъ видѣлъ торжественный императорскій кортежъ Альберта баварскаго, введеннаго въ Прагу, во время войны за наслѣдство, заклятыми врагами нѣмцевъ, французами, и короновавшагося тутъ подъ именемъ Карла VII. — Впослѣдствіи, въ 1774 году, по настилкѣ моста въ первый разъ перешли Молдаву пруссаки, а спустя 13 лѣтъ пушки великаго Фридриха бросили въ Прагу 90,000 ядеръ.

Да, много крови видѣлъ пражскій мостъ за свое 500-лѣтнее существованіе; видѣлъ онъ ее и въ наше время, когда въ недѣлю пятидесятницы дикое возмущеніе воздвигало баррикады у башни на мосту Старограда, а князь Виндишгрецъ, мстя за смерть княгини, громилъ беззащитный городъ.

Не многіе предметы имѣють столько разнообразныхъ воспоминаній!

IV.

Въ описываемый вечеръ гранитные тротуары и выступы арокъ стараго моста, уставленные скамьями и каменными статуями, кишмя-кишили многолюдной и разнообразной публикой, желавшей насладиться прекраснымъ вечеромъ въ роскошномъ городскомъ саду, живописно раскинутомъ на берегу Молдавы. Тутъ были и бюргеры и иностранцы, солдаты и поселяне, пестрѣли блузы и фуражки рабочихъ и чернѣлись сутаны священниковъ.

Часы на городской башнѣ пробили десять. Въ часовнѣ св. Непомука, построенной на томъ самомъ мѣстѣ, съ котораго ревнивый король Венцель сбросилъ въ Молдаву молчаливаго духовника своей жены и тѣмъ обратилъ упрямаго священника въ христіанскаго мученика, сидѣлъ на каменной скамьѣ челоувѣкъ очень высокаго роста. Его блѣдное, истомленное лицо и плѣшивая голова ясно говорили, что онъ провелъ за книгами много бессонныхъ ночей. Лицо сидѣвшаго было германскаго типа съ несомнѣнными признаками значительной силы, хотя въ ней не было ничего атлетическаго, грубаго; оно скорѣе одухотворялось силою мысли и твердой энергіи. Большіе свѣтло-голубые глаза, нѣсколько близорукіе, но глубокіе и ясные, внимательно вглядывались въ снующую мимо толпу, словно поджидая и отыскивая кого-то между проходящими.

Мало-мальски опытный фیزیономистъ, при первомъ